

Ночь стояла холодная, ветер свистел вовсю, а кровь на одежде уже успела высохнуть.

Симень Чуйсюэ неподвижно стоял на месте, глядя на собственный меч и на капли крови, стекавшие с лезвия.

Симень Чуйсюэ победил.

Двойное убийство клинка и меча представляло собой особую технику владения мечом, когда меч используют на манер сабли — это был собственный стиль, созданный Дугу Ихе.

В этом комплекте приемов всё же оставались изъяны, и если бы против Дугу Ихе сражался его собственный ученик, за те несколько мгновений обмена ударами у Симень Чуйсюэ нашлось бы по меньшей мере три возможности нанести смертельный удар.

Но Дугу Ихе не был его учеником: он досконально знал каждое движение, прекрасно понимал слабые места собственных приемов, а на такое способны лишь единицы. По крайней мере, Симень Чуйсюэ еще не доводилось встречать подобную манеру владения мечом. Непрерывно меняя приемы, Дугу Ихе один за другим маскировал изъяны, вовсе не давая сопернику шанса атаковать.

Потому и уверенность Дугу Ихе перед битвой была не пустой бравадой — у него имелись для этого веские основания.

Симень Чуйсюэ несколько раз пытался нанести удар, но тот неизменно пресекал его выпады. Даже перевалив за рубеж в тридцать ударов, Симень Чуйсюэ все еще не находил подходящего момента для атаки.

Меч, несущий смерть, если не в силах убить врага, непременно погубит своего владельца.

Казалось, он оказался на краю неминуемой гибели.

И тем не менее Симень Чуйсюэ внезапно перешел в атаку.

Никто не ведал, что творилось в душе Симень Чуйсюэ, когда он наносил тот удар, поскольку он и сам не знал этого.

В тот миг его тело и разум полностью слились с мечом. Быть может, в ту минуту в его голове промелькнуло множество мыслей, но в конце концов он забыл обо всем на свете.

Он знал лишь одно: в это мгновение он вдруг отчетливо увидел изъян в технике противника и заметил, как Дугу Ихе меняет прием.

Но ровно в тот самый момент, когда тот менял стойку, Симень Чуйсюэ нанес удар.

На сей раз меч не удалось заблокировать.

Симень Чуйсюэ всегда убивал лишь одним ударом, поскольку ему обычно хватало единственной представившейся возможности.

На этот раз все тоже решилось одним ударом.

Свет этого меча пронесся по небесам подобно падающей звезде — мимолетный, но ослепительный.

Ярко вспыхнули брызги крови, и Дугу Ихе рухнул на землю.

Клинок Симень Чуйсюэ пронзил его горло, а собственное оружие Дугу Ихе замерло всего в дюйме от тела Симень Чуйсюэ, так и не сумев продвинуться вперед ни на йоту.

Симень Чуйсюэ молча стоял на ледяном ветру, его белые одежды трепетали.

Он казался погруженным в раздумья, а может, просто застыл на месте.

Данчи смахнул с глаз выражение восхищения и внезапно неторопливо приблизился к нему.

Замерши на мгновение, он поднял руки и крепко обнял его.

Симень Чуйсюэ мгновенно вышел из оцепенения и с бесстрастным лицом опустил взгляд.

Данчи поднял голову, посмотрел на него и внезапно спросил:

— Скажи, разве ты сам не понимаешь, почему только что нанес тот удар?

Симень Чуйсюэ замер и повернул к нему голову.

Тогда Данчи вдруг расплылся в улыбке, радостно глядя на него, и произнес:

— Ты победил, конечно же, потому что питаешь ко мне Путь Чувств и не стерпел бы мысли о моем самоубийстве.

Он радостно прижался к Симень Чуйсюэ:

— Раз уж ты тоже любишь меня, Чуйсюэ, давай скорее станем Партнерами по даосскому пути!

Однако в глазах Симень Чуйсюэ мгновенно мелькнуло острое, колючее выражение.

Данчи продолжал улыбаться:

— Чуйсюэ, я знаю, что тебе стыдно в этом признаться, я всё понимаю.

С улыбкой на губах он со вздохом добавил:

— Ты практикуешь Путь Бесчувствия, но прорвался именно благодаря Пути Чувств.

Произнеся это, он с тронутым видом снова крепко обнял его:

— Мой Партнер по даосскому пути, ты и впрямь так глубоко и преданно привязан ко мне.

Симень Чуйсюэ лишь холодно глядел на него, бросив ледяным тоном:

— Отпусти!

Данчи не только не отпустил, но и сжал руки еще крепче, глядя на него с предельно серьезным выражением лица:

— Чуйсюэ, я понимаю, тебе трудно это принять.

Он мягко утешил его:

— На самом деле подумай сам: ты ведь по-прежнему практикуешь Путь Бесчувствия, просто у человека появились чувства — это вовсе не противоречит твоему собственному Пути Меча.

Ты по-прежнему искренен и честен с мечом, и бьёшь так же безжалостно, тебе незачем терзаться...

Симень Чуйсюэ холодно оборвал его:

— Сказано достаточно!

Его лицо оставалось ледяным, и было очевидно, что вся эта чепуха его нисколько не тронула.

Данчи осекся на полуслове, внимательно посмотрел на Симень Чуйсюэ, после чего резко выпрямился, возвращая себе серьезный вид.

Прежде чем заговорить снова, он сунул ему в рот пилюлю.

— Проглоти, — произнес он с твердостью в голосе.

Симень Чуйсюэ нахмурился, ощутив происходящие в теле перемены, бросил на него короткий взгляд и закрыл глаза, чтобы восстановить ци.

Пока тот медитировал, с лица Данчи исчезла прежняя улыбка. Он опустил взгляд на бездыханное тело Дугу Ихе, на котором всё еще застыло выражение нескрываемого изумления.

Данчи опустил ресницы.

Снова подняв глаза на Симень Чуйсюэ, он ощутил, как в его взгляде смешалось множество сложных чувств.

Там было место легкому вздоху, но куда больше — искренней радости.

Талант и впрямь оставался самой несправедливой вещью на свете.

Лишенные таланта люди всю жизнь не могли отыскать заветную дверь, тогда как баловни судьбы с самого рождения стояли внутри нее, и стоило им испытать мгновенное озарение, как их сила в один миг устремлялась ввысь на тысячу ли.

В недавнем поединке Дугу Ихе казался куда сильнее, но на самом деле его нынешняя сила уже достигла предела его природных способностей, и шагнуть дальше отныне казалось труднее, чем достать до неба.

Путь же Меча для Симень Чуйсюэ только начинался, до его предела было еще очень далеко, и вершина, на которой он со временем окажется, вознесется на недостигаемую для остальных высоту.

Сравнение выглядело жестоким, но такокова была суровая реальность.

Данчи вновь крепко обнял теплое тело в своих руках, тяжело вздохнул и спрятал бурю чувств на дне глаз.

С легкой тоской прильнув к нему щекой — как же все-таки приятно обнимать своего Партнера

по даосскому пути! — он не удержался и протянул руку, чтобы еще немного погладить его.

В этот момент Симень Чуйсюэ внезапно открыл глаза, и в тот же миг во взгляде отразилась лишь холодная безчувственность.

Опустив глаза и увидев его, он мгновенно ожесточился взглядом.

Раздался звук разрезаемой плоти, и глухой стон сорвался с губ.

Данчи опустил глаза: из его груди торчал ледяной клинок, слепяще сверкая на свету.

Тонкая струйка крови побежала по уголку его рта.

Он какое-то время ошеломленно смотрел перед собой, а затем поднял голову.

На лице Симень Чуйсюэ мелькнуло выражение растерянности, но уже в следующую секунду в него полетел острый, пронзительный взгляд.

Глядя на Данчи, он заговорил голосом, способным заморозить внутренности, подобно зимней стуже и снегу:

— Этот удар ты вполне мог отразить! — холодно бросил он.

Уголки губ Данчи изогнулись в улыбке; вместо того чтобы отпрянуть, он подался вперед, его лицо еще сильнее побелело, однако он продолжал улыбаться, глядя на него, и мягко произнес:

— Раз уж это дарит мой Партнер по даосскому пути, я стерплю любую боль.

Услышав это, Симень Чуйсюэ помрачнел еще сильнее и внезапно резким движением выдернул клинок.

Ярко-красная кровь брызнула на белоснежные одежды, запятнав их словно капли зимней сливы.

Но он даже не взглянул на нее и круто развернулся.

Стоя к нему спиной, он ледяным тоном произнес:

— Я практикую меч, что несет смерть, — меч Бессердечия.

Лишившись опоры в виде клинка, Данчи качнулся, с трудом удержал равновесие и твердым шагом двинулся вперед.

— Тогда я буду ждать, пока ты познаешь Путь Чувств.

Он смотрел на удаляющуюся спину Симень Чуйсюэ, и в его голосе звучала непреклонная решимость.

От фигуры Симень Чуйсюэ тут же повеяло лютым холодом.

— Не нужно!

— Ну зачем же ты так бездушен, — Данчи взглянул на него, мгновенно сменив тон, а его лицо приняло крайне обиженное выражение.

Голос Симень Чуйсюэ прозвучал ледяной коркой:

— Я изначально лишен чувств.

Данчи посмотрел на него и вдруг широко улыбнулся:

— Чувства есть у каждого живого существа.

На его лице проступила улыбка:

— Сама безчувственность — это тоже своего рода чувство.

Если ты так цепляешься за мысль о собственном безчувствии, это как раз и доказывает, что твое сердце уже затронуто чувством ко мне.

Он неотрывно смотрел на спину Симень Чуйсюэ, и в его глазах горел жаркий огонь.

Воздух на мгновение замер в тишине.

В этой тишине Симень Чуйсюэ неожиданно обернулся, и исходивший от него морозный дух тут же рассеялся.

Бесстрастно глядя на Данчи, он выждал долгую паузу и внезапно произнес:

— Теперь я действительно лишен чувств.

Данчи посмотрел на него и вдруг рассмеялся:

— Похоже, ты всё понял.

Симень Чуйсюэ бесстрастно кивнул:

— Верно, я отыскал собственный Путь Меча.

Данчи тоже кивнул и сказал:

— Ты практикуешь Меч Бессердечия и следуешь Пути Бесчувствия. Но чтобы познать безчувственность, сперва необходимо познать чувства, а уже затем предать их забвению.

Он в упор смотрел на Симень Чуйсюэ, и его взгляд горел ярче факела:

— Только что ты на миг поддался чувствам, а в следующее мгновение отсекал их.

Ты уже проникся ко мне чувствами. — Его тон не допускал возражений.

Симень Чуйсюэ смотрел на него, помолчал какое-то время и вдруг произнес:

— Похоже, ты тоже всё понял.

Лицо Данчи озарилось ярким светом, он пристально вгляделся в него:

— Ты признал это!

Симень Чуйсюэ холодно посмотрел на него:

— Раз уж ты всё понял, то должен осознавать: все твои дальнейшие действия абсолютно бессмысленны.

— А понимаешь ли ты одну вещь! — Данчи посмотрел на него, и его лицо впервые стало необычайно серьезным. Выпрямившись во весь рост, он взглянул на него с полнейшей торжественностью.

— Путей Дао — три тысячи, и каждый идет к нему своей дорогой, но приходят все к одному

исходу; выбранная стезя — это лишь форма.

Отречение от чувств — это Дао, и следование чувствам — тоже Дао. Тот, кто следует отречению, постигнув Дао, способен вновь обрести чувства, а практикующий Путь Чувств точно так же может в мгновение ока постижения Дао отсечь их.

Он пристально посмотрел на Симень Чуйсюэ:

— Ты жаждешь достичь вершины Пути Меча, отбросив любые эмоции.

Но когда ты вскарабкаешься на самую вершину, то перед твоим взором предстанет совсем иная грань чувств.

Он сделал паузу и произнес глухим голосом:

— Одиночество и тоска.

Симень Чуйсюэ холодно бросил:

— Это как раз то, что надлежит вынести.

Данчи покачал головой:

— То лишь испытания на пути, а не конечная цель.

Меч может быть бездушным, но человек не имеет права жить без сердца, иначе в конце концов он выковывает лишь острую железяку, а не постигает Путь Меча.

Хотя клинки остры, без человеческой воли они никогда не раскроют свою истинную мощь.

Симень Чуйсюэ холодно посмотрел на него:

— Пустые софизмы!

Данчи покачал головой:

— Дао пребывает во всех вещах и пропитано самой природой, а все вещи в этом мире изначально суть единство противоположностей.

Беспредельное порождает Великий предел, а Великий предел вновь возвращается к Беспредельному.

Он посмотрел на него:

— Праведны ли мои слова или нет — когда твой Путь Меча достигнет великого совершенства, ты сполна прочувствуешь всё, о чем я сегодня говорил.

Он смотрел на Симень Чуйсюэ, и Симень Чуйсюэ точно так же смотрел на него.

Они молча вглядывались друг в друга, пока ночная тьма не стала еще гуще.

<http://bllate.org/book/22050/2292939>